

СТРАНИЦЫ БЕЗ ЛЮБВИ

30

Татьяна Доронина дорого платит за то, что одиннадцать лет назад согласилась стать во главе МХАТа имени Горького

Независимая газета. - 1998. - 1 авг. - с. 1, 6

Адель Алексеева,
Элла Матонина

В ТЕЛЕВИЗИОННОЙ передаче ведущий назвал Доронину великолепной актрисой. «Была такой», — последовало тихое, но жесткое возражение Натальи Крымовой. Эдвард Радзинский в своих эмоционально-красивых воспоминаниях о Дорониной поставил точку в том месте, откуда актриса начала свой самостоятельный путь, став художественным руководителем МХАТа имени Горького. Наконец Марк Розовский, как самый «храбрый мужчина», прямо обратился к Татьяне Васильевне с журнальной страничкой: «Снимите сами четыре священные буквы с вашего театра. Имейте мужество сделать это добровольно в год 100-летия МХАТа. Ради чего?» — вопрошает он и отвечает: — *Ради Христа*. Подумаем, к кому обращается Розовский и — имеет ли право Доронина последовать его совету?

ДОРОГА ВО МХАТ

Актриса эта не просто ворвалась в кинематограф когда-то, она обозначила своей личностью целый особенный мир: в фильме «Еще раз про любовь» мы увидели на советском экране ярко выраженную чувственную героиню, наследницу роскошной,

Кадр из фильма Георгия Натансона «Еще раз про любовь». Фото ИТАР-ТАСС

обольстительной Аллы Тарасовой. В «Трех тополях на Плющихе» стали свидетелями «нежного бунта» против женской несвободы, в «Старшей сестре» столкну-

лись с истинной самоотверженностью. Всегда — женщина, сначала женщина, а потом уже — служащая, рабочая, студентка, сестра (от этого, быть может,

возникают и некоторые сложности), — такой она была, такой ее полюбили одни и возненавидели другие. Она и в жизни поражала многих нелогичностью каких-то

своих поступков, неожиданными уходами или естественным для женщины нежеланием выходить некрасивой на сцену, и не только на сцену — на люди. Для актрисы бывают естественными годы невестребованности, а она никогда не хотела ждать, обостренно чувствуя текучесть времени.

Монолог ее «Любите ли вы театр так, как люблю его я» навсегда связался в нашем представлении с ее любовью к театру, ее приверженностью к вечным ценностям искусства. Она доказывала это всей своей жизнью, всем терпением своим путем.

К Московскому Художественному театру Доронину вела длинная дорога. Она приходила сюда и уходила, в чем-то сомневаясь, чем-то мучаясь. «Мхатовская» по данному ей природой таланту, она как бы набирала силу для этого великого театра в работе с крупными режиссерами, прежде всего с великим Георгием Александровичем Товстоноговым, в театре которого была ведущей актрисой. Затем 14 лет проработала с Андреем Гончаровым, пришла любимой, а ушла еще более знаменитой, но не понятой, потому что хотела быть не просто податливым материалом в руках режиссера, а соавтором в творчестве. Гончаров же неподчинения, полного, не знающего исключения, не потерпел.

(Окончание на стр. 6)

(Окончание. Начало на стр. 1)

Рядом с крупными, единственными актерами — Владиславом Стрельником, Олегом Борисовым, Евгением Лебедевым, Иннокентием Смоктуновским — она была равной. Рядом с великими режиссерами она сама становилась великой. Играла сложные роли, узнавая, что значит любовь публики, не популярность, а именно любовь, которая жива в ленинградцах и по сей день, спустя десятилетия после ее переезда в Москву.

Окончательно во МХАТ имени М. Горького Дорониной пришла уже обремененная славой, но не в лучшее его время. МХАТ, царственный и огромный, еще не рухнул под напором живых страстей. Но в нем уже вызревали идеи, что театр-де в нынешнем его виде представляет собой дурной союз противоречивых тенденций. Назначенный главным режиссером Олег Ефремов, создатель «Современника», принес сюда то, что было ему дорого по «прежнему месту работы», то, что, как он полагал, могло оживить окосневшие мхатовские подмостки, — театр социального отклика, неравнодушный к политической злобе дня. Как говорили, он шагал по политическим ступеням. На сцене МХАТа играют не только восторженно встреченного критикой чеховского «Иванова», но и «Сталева», «Заседание парткома» и другие пьесы Александра Гельмана, страстную публицистическую драму Михаила Шатрова «Так победим!».

МХАТОРАЗДЕЛ

Раздел произошел в 1987 г. МХАТ поспешил сыграть в те игры — раздела, передела, развала, — которые позже разыгрались на просторах страны — в государственном масштабе. (До сих пор не наигрались.) В масштабах разваливаемой страны почти все «расхождения» сопровождалось болезненными выплесками национализма. То же и в театре: при разделе МХАТа, оправдывая его необходимость, безальтернативность пути, «свое» возвеличили путем умаления «чужого», не понимая относительности различия между «своим» и «чужим», если думать о наполненности, свойственной ЦЕЛЬНОСТИ...

Дорониной ничего не делила. Она смотрела, как Ефремов, ссылаясь на «неуправляемость огромного театрального коллектива», отбирает в Камергерский, в свой «новый» МХАТ прославленных кинозвезд, коллег по «Современнику», самых известных театральных актеров. Среди них были знаменитые старики, «старые мхатовцы»: они хотели умереть на своей сцене в Камергерском. Он звал и ее. Но она оглянулась... И ее сердце, от рождения наделенное чувством справедливости, дрогнуло. За бортом ефремовского МХАТа оставались почти все среднее поколение МХАТа: народный артист СССР Леонид Губанов, народная артистка СССР Анастасия Георгиевская, народные артисты России Галина Камаровская, Маргарита Юрьева, Светлана Коркошко, Луиза Кошукова, Климентина Ростовева, Любовь Стриженова, Людмила Кудрявцева, заслуженный артист Российской Федерации Константин Градополов...

Против раздела были Ангелина Степанова, великая Анастасия Зуева.

Ефремов что-то говорил о «балласте». Позабыв в этот момент, что путь актера до его последнего дня на сцене неисповедим. Вспомним поразившую в своих последних работах Ханая или на излете жизни потрясавших нас Ольгу Андровскую, Фаину Раневскую... Да и вообще балласт не всегда пустая руда.

Дорониной не ушла со счастливыми избранниками. Она подняла голос в защиту брошенных на произвол судьбы актеров, людей, по самой психологии своей профессии самых не защищенных. Осталась на Тверском бульваре.

Они избрали эту строптивую, всегда и во всем искавшую правду женщину с полководческим огнем в глазах художественным руководителем МХАТа им. Горького.

И в то время, когда Ефремов совершал акт исторической справедливости и переименовывал театр, давая ему имя Чехова, она, несмотря на беднежье, умолчания прессы, недовольство театрального мира, билась за труппу, звание, название театра — Академический и Художественный, данные ему при Станиславском и Немировиче-Данченко, имя Горького, присвоенное при основоположниках в 1932 г. в связи с 40-летием литературной деятельности писателя. И МХАТ имени Горького, точно так же, как театр Ефремова, стал правопреемником старого МХАТа.

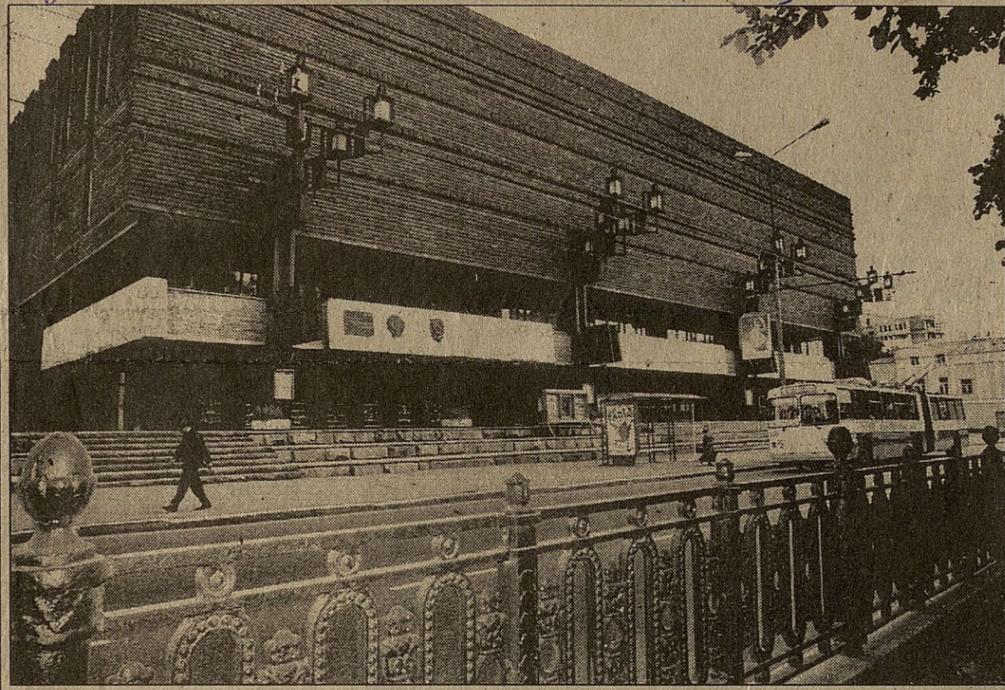
Но случилось событие, повлиявшее на все дальнейшее. Дорониной выступила на съезде Союза театральных деятелей с речью, в которой довольно резко выразила свое отношение к творческой интеллигенции. Уже шли расточительные презентации, тусовки, процветали кланы, пренебрежение к чистоте и гармонии в жизни. Не без раздражения ее выслушали, но после этого уже не замечали. Не писали, не показывали, не говорили. Трагическая смерть Георгиевской стала «удачным поводом», чтобы расквитаться с Дорониной за все. Началась газетная травля, страшную смерть пожилой одинокой актрисы ставили ей в укор, обвиняли и в этой трагедии, и во многом еще. Стало модно морщиться при ее имени, не вникать в жизнь театра. Она работала, но вокруг — глухота. И так — десять лет. Лишь в последнее время на ТВ заговорили о ней и, конечно, как об актрисе, а не руководителе большого коллектива. А Дорониной в это время как художественный руководитель, сжав зубы, молча выставляла репертуар театра, без чего — она понимала это — театр скоро погибнет. Сама сыграла в пьесе Эдварда Радзинского «Старая актриса» роль жены Достоевского, чтобы за-

Народная артистка Татьяна Дорониная на вечере «Имперский стяг». Фото ИТАР-ТАСС

СТРАНИЦЫ БЕЗ ЛЮБВИ

Независимая газета. — 1998. — № 16. — с. 36

Орденосный МХАТ имени Максима Горького на Тверском бульваре, 22. Фото Дениса Тамаровского (НГ-фото)

явить о своем поклонении старому МХАТУ (этот спектакль Романа Виктюка идет до сих пор). Она читала, выбирала, думала. Со всем энтузиазмом вновь изучала театральную литературу. Уайльд и Шоу искали «чистый театр». Поль Валери грезил о театре-храме. Станиславский искал естественности и простоты.

Дорониной приняла твердое решение оставаться верной русской классике, быть верной их величайшей классической простоте, русскому слову... Она собирала репертуар, добавляя к Островскому Гончарова, к ним — Чехова, Горького, любимого своего Булгакова, Распутина...

Ища созвучия авторской мысли, даже замыслу, она обратилась к первой редакции «Белой гвардии». «Зойкина квартира», над первой редакцией которой, зарезанной цензурой, плакал, убивался Булгаков («убили, ископчили, уничтожили»), тоже была взята для постановки в первой редакции.

История раздела очень быстро обросла легендами, без которых, конечно, сегодня все происшедшее выглядит как нелепая, чей-то умелой рукой разыгранная драма, с годами оборачивающаяся трагедией для обеих половин. Как часто эти легенды не соответствуют фактам! Кто-то пишет, что Ефремов оттого сломал МХАТ, что когда-то не был в него принят после Школы-студии. Дорониной в этих легендах называют сварливой оппозиционеркой, а актерские удачи относят лишь к былым годам.

Возможно, так и случилось бы, если бы у нее был другой, не такой сильный характер. Знаменитая «разносами», которые устраивает актерам, Дорониной прежде всего требовательна к себе самой. И говорит: «Сегодня я работаю с гораздо большей самоотдачей, чем в спокойные времена, и лучше, чем 30 лет назад». Говорят, нельзя доверять самооценке художника. Никто и ничто не мешало ему строго взглянуть на нее со стороны. Поспорить или согласиться с актрисой и режиссером. Но никто не отнимет у нас права смотреть на нее доброжелательным взглядом.

Актриса, если считает, что сыграла «грязновато», впадает в печаль, теряет настроение. Поправить его может только работа. Не терпит немощи и нещадно тратит себя. Иногда после спектакля по нескольким

часов не может прийти в себя, справиться с «органом чувств», который гудит в ней.

В ее личности, в ее игре всегда присутствовали жажда нравственно-существования (это влечение ведет ее по жизни, воспринятое самой актрисой как высокое предназначение; и этот «нравственный императив» — основа всех ее нынешних бед и причина нынешнего одиночества и полусадного бытования), жажда осмысленной животворящей жизни, любви, а сегодня ощущается и трагизм. Она словно говорит: «Я хочу истины, но не спасения...»

Дорониной — требовательный начальник, но она за плотоотворный покой, покой ради беспокойной работы. Именно по своей женской, охранительной сути она не хочет ни кризисов, ни революционных вмешательств, ни обвалов. Она требовательна, когда речь заходит о дисциплине. Незнающие посмеиваются, забывая, что и основоположники говорили о дисциплине как о едва ли не об основе театрального дела, без которой театру не жить. Она старается загружать равномерно всех актеров и не переносит выражения «актер в простоте».

Актер Валентин Клементьев, проработавший с Дорониной уже почти 10 лет, выходит на сцену 22—24 раза в месяц. Старейшая актриса театра Любовь Юрьевна Пушкарёва, народная артистка России, ведет режиссерские работы, делает вводы, играет главную роль в «Обрыве». Совсем молодой Александр Морозов занят в последних работах театра «Наполеон в Кремле» и «Ее друзья». Каждую весну в труппу приходят 6—7 начинающих актеров. Принимаются на договор, и, если год проходит результативно, отношения возобновляются. А начинающему показать свои таланты художественный руководитель театра дает сполна, загружает под завязку.

Властительница, хозяйка громадного здания, красивая, одинокая и независимая, в жизни Дорониной сумела сохранить идеалистическую мечту о чистом служении искусству. И в этой цельности есть что-то ермольковское. Появляясь в последнее время на экране, она не устает повторять, что искусство должно быть чистым, что надо неустанно бороться за нравственность искусства — в театре, в кино, на телевидении, про-

тивостоять наступлению псевдокультуры... На спектакли МХАТа имени Горького можно безбоязненно брать с собой детей — там все будет прилично. Даже «Старый квартал» Уильямса она сумела поставить, «очистив» все страсти от смущавшей ее «нечистоты» (однако вовремя поняв, что такая «дистилляция» убил пьесу, Дорониной скоро сняла спектакль). Искренне полагая, что просвещение должно входить в функции театра, она ставит «Обрыв» Гончарова, «Вишневый сад» Чехова, «Лес» Островского...

МХАТ И СТАТИСТИКА

В театре Дорониной за 10 лет поставлено 43 спектакля, в двенадцати из них она выступает как режиссер. Количество в театральном деле не показатель успеха. Но количество есть безусловный показатель трудолюбия и желания наработать опыт.

И тем не менее нам представляется, что читателям будут небезынтересны некоторые сведения из ежегодника «Театры Российской Федерации в цифрах за 1995—1996 гг.», который издает Министерство культуры.

На сцене МХАТа им. Чехова в 1995 г. прошло 404 «мероприятия» (такими категориями оперируют составители таблиц) против 390 во МХАТе им. Горького. Но уже на следующий год соотношение меняется: 311 против 384 соответственно.

В 1995 г. МХАТ имени Чехова посетили 170 тыс. зрителей, МХАТ им. Горького — 187! В 96-м «зрительский показатель» ефремовского театра падает до 151 тыс. в год, дорониинский театр посещают, наоборот, еще на две тысячи больше — 189 тысяч.

Другое дело — касса. В 1995 г. чеховский МХАТ продал билетов на 1183,2 тыс. руб., что почти в два раза

эпохи» (слова Георгия Александровича). И она делает ставку на совершенного в своем профессионализме лицедея, а на актера, чья душа еще со времен русского крепостного театра подготовлена к страданию, сочувствию, переживаниям, христианскому мировосприятию. В поставленном ею спектакле «Лес», не изменяя слову Островского, она выводит провинциального трагика Несчастливцева не пожизненным, уставшим выпивохой, — на сцену выходит актер, идущий по жизни как очарованный странник. Все поступки его вытекают из личных потрясений при встрече с ханжеством, хамством, ложью. Он сопротивляется окрику: «Ваше место в буфете, на презентации, в рекламном ролике, на тусовке, в службе элиты»... По понятиям режиссера, миссия у актера иная. Она сродни той, которую возлагал в 1942 г. в холодной военной Москве незалого перед смертью Владимир Иванович Немирович-Данченко, обращаясь к великим мхатовцам — Тарасовой, Зуевой, Калиновской: «Вы едете на фронт, возьмите лучшие платья, будьте красиво и убедительно вдохновенны. Возможно, это последнее, что увидит солдат, уходя в бой. Возьмите его душу».

Кстати, еще о слове. Рассказывают, что Татьяна Дорониная сама делает первую читку, и бывает столь заразительна, что, читая, к примеру, «Василия Теркина» Александра Твардовского, сама смеется и плачет, и любуется словом, как драгоценным камнем, отыскивая смысловые оттенки. Ее театр (понаучу несколько полтизировавшийся) стал смотреть на мир шире. Дорониной открытым жестом приглашала и приглашает к сотрудничеству разных режиссеров. Приглашала Товстоногова, Чхеидзе, Виктюка, Стурца, Портнова. Жизнь распорядилась по-своему: Товстоногов умер, Портнов уехал из страны, Чхеидзе и Стурца обещание не выполнили. Виктюк, как уже говорилось, с радостью работал на сцене театра. Сейчас Дорониной пригласила Эмилия Лотяну, на его премьеру (спектакли «Юбилей» и «Медведь» по рассказам Чехова, поставленные к чеховскому юбилею) зал был полон и энергично реагировал на свежее прочтение известных водевилей и рассказов.

Но есть в репертуаре театра один малоизвестный спектакль — «Прощание с Матерой», прекрасный и страшный рассказ Валентина Распутина о прощании с «непрелегитивной» деревней Матерой. Кое-кто уговаривает Дорониной снять старый спектакль, но, верная своим принципам, она оставляет его в репертуаре. Не будем комментировать это обстоятельство. Аналогии в нашей культуре есть. Великий князь Константин Константинович Романов (К.Р.) в своем дневнике после одного музыкального вечера в Петербурге записал: «Был во Дворянском собрании на Втором русском симфоническом концерте под управлением Римского-Корсакова. Зала наполовину, если не больше, оставалась пуста. Но мне хотелось там быть из внимания к русской музыке. И я остался до конца».

Мы живем в такое время, когда в искусстве, в театре в том числе (телеэкран — чемпион в этом деле), нашла себе место странная страсть гадить в тех местах, где общественное сознание больше всего болит и нуждается в очищении и просветлении, когда идет подтасовка тех понятий, слов, чувств, с которыми наиболее сокровенно связана душа отечественной культуры. Дорониной консервативна — увы! Для нее главным остаются изгоняемые ныне из жизни вечные ценности. Режиссура ее не экспериментальна. Она почитает традиционную мораль, русскую классику и духовный опыт.

Сто лет будет МХАТУ этой осенью. Юбилейная комиссия создана больше года назад, из дорониинской труппы туда включено три человека. Однако ни на одно совещание их не приглашали. Станислав Говорухин от имени Госдумы направил письмо еще правительству Черномырдина, в котором предлагал утвердить равные права двух театров, но ответа не последовало. Наконец, оказалось, что есть циркуляр, в котором говорится, что все ассигнования для юбилея передаются театру имени Чехова. «Почему так?» — спросил журналист «Независимой газеты» Олег Сисуйев. Сисуйев ответил: «По художественному вкладу».

Ходят слухи, что в день юбилея в здании МХАТа им. Чехова МХАТ имени Горького будет представлен столком на шесть человек. Остальным 66 актерам можно заглядывать в окна... Рискнем выйти с предложением. В июне 1897 г. Станиславский и Немирович-Данченко решили сообща создать новый театр, в основу творчества которого должна была лечь идея русского национального театра, каким был Малый театр. В этом театре, который по своему влиянию на общественность приравнивали к университетской кафедре, Южин играл в пьесе Немировича-Данченко. Станиславский, как известно, сотрудничал с Ермоловой. Почему бы не обратиться на этой исторической нейтральной полосе, на этой «отчей земле» основателей Художественного театра, чтобы вспомнить о них, о славном пути их детища. Гостиными станут два равноправных театра, которые, возможно, в память об ушедших и великих воссоединятся в безобидном порыве. Неужели невозможно?

Перед тем как поставить точку, вернемся к самому актуальному сегодня слову «вклады». Неизвестно, что знает чиновник с симпатичным лицом «театрального Пьера» о значительности «вкладов». В нашем рассказе о театре Татьяны Дорониной читатель, естественно, заметит крен в хвалебную сторону. В услуду моде мы не ерничаем по поводу недостатков в работе. Пусть театроведы анализируют, хвалят или порицают, но пусть не замалчивают работу огромного коллектива, не казнят труд молчаливым и равнодушным. Это вредно для отечественной культуры.

больше, чем МХАТ им. Горького (695,3 тыс. руб.). Но на следующий год Дорониной почти ликвидировал отставание: 1397,0 тыс. руб. против 1257,3 тыс. руб. Красноречиво, не правда ли?! И это при том, что МХАТ им. Горького выпустил в 1996 г. в два раза меньше премьер (две против пяти). А число работников театра у Дорониной значительно меньше, чем у Ефремова (367 и 513 в 1996 г. соответственно), хотя труппы и тот и другой театр, видимо, в порядке поддержания паритета имеют одинаковую (в 1996 г. по 90 человек).

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЧАСТЬ

В числе весьма удачных постановок театра — «Доходное место». Режиссер осторожно передвинула время Островского. Оно ближе ко времени Чехова, а значит, и к нам. Оттого-то и костюмы, и поведение героев, и интонации чеховские. Евгения (Татьяна Шалковская) полна душевной тонкости, а мачетар Жадов переключается с Петей Трофимовым. У исполнителя роли Жадова — ни выпренности, ни позерства, так и кажется, что это свои мысли и слова о честности Дорониной вложила в уста героя (актер Андрей Чубченко).

Островский, ах, вечно необходимый Островский, знавший цену денег в эпоху первоначального накопления. Какие современные, полнокровные образы! Как славно их «оживляет» Дорониная, «оживляет», преклоняясь перед языком автора. Слово — мысль, слово сочное, единственное! Менее удается донести актерам поэтическое слово Кальдерона («Дама-невидимка»). Но зато как там Сергей Габриэлян! Одаренный по самому строгому счету, актер заражает своей энергией весь зал. Ее открытие, «звезда» ее театра.

Впрочем, сколько у нее молодых, поразительно красивых актеров, сколько она вырастила за эти годы! Кроме Сергея Габриэляна, назовем красивую героиню Татьяну Шалковскую, голос которой богатыми модуляциями напоминает о прекрасной музыке речи того МХАТа, христианскую Елену Катывеву, всегда неожиданных Михаила Кабанова, Алексея Ошуркова, Антона Королькова, Виталия Зикору, Юлию Зыкову.

Для Дорониной, как и для ее учителя Товстоногова, актер — «полпред